

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б79

Большаков, Владимир Викторович.

Б79 Кофе и круассан. Русское утро в Париже / Владимир Большаков. — Москва : Алгоритм, 2015. — 368 с. — (Занимательная культурология).

ISBN 978-5-906789-96-9

Владимир Викторович Большаков — журналист-международник. Много лет работал специальным корреспондентом газеты «Правда» в разных странах. Особенно близкой и любимой из стран, где он побывал, была Франция.

«Кофе и круассан. Русское утро в Париже» представляет собой его взгляд на историю и современность Франции: что происходит на улицах городов, почему возникают такие люди, как Тулузский стрелок, где можно найти во Франции русский след. С этой книгой читатель сможет пройти и по шумным улочкам Парижа, и по его закоулкам, и зайти на винные тропы Франции.

УДК 821.161.1-4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906789-96-9

© Большаков В., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Большаков Владимир Викторович

КОФЕ И КРУАССАН

Русское утро в Париже

Редактор *Е.О. Мигунова*

Художник *Б.Б. Протопопов*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 27.08.2015.

Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,47.

Тираж

экз. Заказ

ISBN 978-5-906789-96-9

9 785906 789969 >

Вместо предисловия

Между Францией и Россией бывало всякое. Были войны с «Великой армией» Наполеона Бонапарта (с 1812 по 1815 г.), под знаменами которой выступала вместе с Францией практически вся Европа; Крымская кампания (1853 — 1856), где Франция в коалиции с Англией и Сардинским королевством вторглась в южные пределы России; интервенция Антанты в 1918 — 1921 гг. В ходе второй мировой войны мы были союзниками со свободной Францией де Голля, и символом этого союза стали эскадрилья «Нормандия-Неман», а также боевые операции отрядов советских военнопленных, влившихся в движение Сопротивления в оккупированной Франции. Но по другую сторону линии фронта действовала против нас в те же самые годы и дивизия СС «Карл Великий», укомплектованная на 100 процентов гражданами Франции. Немногие из ее солдат и офицеров, уцелевших после битв под Сталинградом и в Померании, после войны отсидели вместе с пленными гитлеровцами положенные им сроки в ГУЛАГе.

В летописи наших отношений печальные страницы франко-русского противостояния занимают, к счастью, во временном отношении совсем немного места. От тех лихих времен остались в русском языке слова «шерамыжник» (от слов «Cher ami!», т. е. «Дорогой друг!») и «шваль» (от слова «Cheval» т. е. «лошадь») с которыми обращались к русским крестьянам за подаянием и гужевым транспортом изголодавшиеся и измученные солдаты отступавшей армии Бонапарта. Французам наши каза-

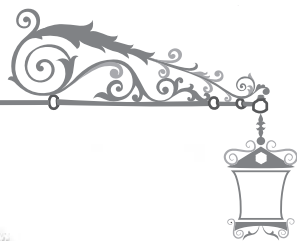

ки, занявшие в 1814 г. Монмартр, оставили словечко «Быстро!», что французские половые быстро поняли, как «Давай, пошевеливайся!» и впоследствии преобразовали его в свой вариант названия ресторанов «фаст-фуд» под именем «bistro». Общего между нами куда больше, чем различий. И куда солиднее летоисчисление нашей дружбы и союзничества, отношений, полных взаимной восторженности и взаимопонимания.

Все, однако, начинается, говоря словами Уолта Уитмена, с «корней травы». С желания понять друг друга и умения этого добиться. Ни то, ни другое невозможно без информации о том, кто же мы такие?

Францию и французов понять не так-то просто. И если русские иной раз похваляются тем, что для того, чтобы нас понять, надо пуд соли съесть, то французы то же самое скажут и про себя, только добавят одно слово: «пуд морской соли». Когда я писал эту книгу, я меньше всего думал о том, чтобы представить на суд читателей некий банк данных о том, что из себя представляют французы. «Типичного» или «среднего» француза, которого для удобства обобщения именуют обычно «Месье Дюпон» (аналог нашему Иванов — Петров — Сидоров), в общем-то не существует. Но те типичные черты, что ему свойственны, надо учитывать, если хочешь понять Францию и французов и быть самому ими понятым.

Поначалу я совсем не хотел касаться политики в этой книге, но все же решил рассказать о двух президентах Франции: Франсуа Миттеране и Жаке Шираке. Как ни парадоксально, в них при ближайшем рассмотрении находишь больше типичных черт месье Дюпона, чем в обычном рядовом французе. Если месье Дюпон почитает насмешку самым большим для себя оскорблением, то президенты Франции, к какой бы партии они ни принадлежали, выше всего ставят величие Франции, ее честь и достоинство и никому не позволят на это посягать. Увы, в истории наших отношений были такие периоды, когда в Москве это-

*«Все, однако, начинается, говоря словами Уолта Уитмена с “корней травы.”
С желания понять друг друга и умения этого добиться. Ни то, ни другое
невозможно без информации о том, кто же мы такие?
Францию и французов понять не так-то просто. И, если русские иной раз по-
хваляются тем, что для того, чтобы нас понять, надо пуд соли съесть,
то французы то же самое скажут и про себя только добавят одно слово –
“пуд морской соли”».*

(Владимир Викторович Большаков)

го не понимали. И не случайно генерал Де Голль еще в 1942 году говорил о «трагическом непонимании, мешавшем союзу между нашими странами».

10 декабря 1944 года в ходе официального визита Де Голля в СССР был подписан франко-советский Договор о дружбе и взаимопомощи. Генерал сказал тогда, поставив под ним свою подпись: «Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разьединенными — значит находиться в опасности».

Тем самым будущий президент Пятой республики суммировал весь исторический опыт наших отношений. Де Голль не раз говорил об «особом характере» франко-русских отношений, о роли Франции как моста между США и Россией и России как моста между Европой и Азией. При этом он всегда подчеркивал именно слова «Россия» и «русский», т. к. слова «СССР» и «советский» генерал не воспринимал на дух. Это, соответственно, в руководстве СССР истолковывали как личное оскорбление. В результате ровно через 10 лет после подписания нашего Договора о дружбе он был расторгнут Советским Союзом в одностороннем порядке под предлогом подписания Францией Парижских соглашений, по которым ФРГ получила доступ в НАТО. Но еще за два года до этого вышел 11 том Большой советской энциклопедии, в котором Де Голлю был вынесен приговор Агитпропа.

О нем БСЭ сообщала следующее: «Де Голль — французский реакционный деятель, руководитель фашистской (!) партии «Объединение французского народа», монархист и клерикал». Советскому читателю внушали, что оказывается его организация «Свободная Франция», с которой СССР и заключал соглашение о союзничестве в войне против фашизма, была создана по заданию Черчилля, что уже само по себе в те годы было в СССР криминалом. Далее, в том же духе «классовой ненависти», который отравил наши отношения на долгие годы «холодной войны». Франция попала в разряд наших «империалистиче-

ских врагов», а хорошими французами считались только те, кто принадлежал к Французской коммунистической партии и Обществу дружбы «Франция — СССР», находившемуся под контролем тех же коммунистов. На долгие годы между двумя странами образовалась новая пропасть непонимания. К счастью, де Голль сумел подняться выше всего этого бреда и сделал первый шаг навстречу Москве вскоре после своего избрания президентом. И я бы не вспоминал об этой печальной истории, если бы она не свидетельствовала о том, что непонимание между руководителями наших страна оборачивается и непониманием между нашими народами.

Больше всего мне хочется, чтобы эта книга помогла моим соотечественникам понять французов. Нам есть чему у них поучиться, как и им у нас. Но дело тут не в некоем практическом смысле, а в абсолютно необходимом для новой России духовном воссоединении с той цивилизацией, которая дала нам так много и взяла от нас не меньше. Но, взяв, особенно в послереволюционные годы, сумела и сохранить то, что революционная Россия отинула, то, что мы сейчас собираем по крупицам. В этой книге я посвятил тому немало страниц и целую главу «Здесь Русью пахнет». При работе над ней и другими главами книги я частично использовал свою книгу «Русские березы под Парижем» (М.: Издательство «Молодая гвардия», 1989), которая была удостоена премии Воровского Союза журналистов СССР, а также ряд моих статей и очерков, публиковавшихся в периодической печати Советского Союза и России в конце XX — начале XXI века.

Часть первая

КТО ВЫ, МЕСЬЕ ДЮПОН?

Расхожее российское представление о французе являет собой некую литературно-кинематографическую окрошку. При слове «француз» в нашем воображении всплывает уникальное создание: человек, очень похожий на д'Артаньяна, причем в исполнении Аллена Делона, но не в мундире, а в костюме от Пьера Кардена, добивающийся взаимности от Анжелики в варианте Брижит Бардо, которая напевает блюзы Патриции Касс... И так далее...

Почему их не любят

Как правило, русские плохо знают Францию и судят о ней по стереотипам еще XVIII века. При этом о Франции и французах у нас представление розовое, несмотря на довольно мрачные отзывы о представителях этой нации практически всех русских классиков, которые когда-либо здесь жилали, от Фонвизина до Бунина. Достаточно вспомнить фразочку Фонвизина из его «Писем из Франции»: «Если француз проведет день, не обманув кого-либо хотя бы на один франк, он будет чувствовать себя глубоко несчастным».

В конце XVIII века, примерно в то же время, что и Фонвизин, граф Оксфордский, сэр Гораций Уолпол писал: «Французов

я не люблю не из вульгарной антипатии между народами, живущими по соседству, а из-за их высокомерия и привычки демонстрировать свое ничем не оправданное превосходство». В конце XX века одна английская газета написала, что во Франции прекрасно отдыхать и что Франция была бы еще прекраснее, если бы... «там не было французов». По оценкам августа 1997 года, французы «агрессивные вульгарные, грязные, плохо организованные и ленивые» (лондонская «Миррор»). В июльском опросе 1997 года, опубликованном газетой «Фигаро» под заголовком «Что думают о французах иностранцы», немцы утверждали, что французы «не дисциплинированы и агрессивны». Американцы, напротив, заявили, что французы «робки и холодны». Англичане в ходе того же опроса возмущались французскими «невежеством, неорганизованностью и склонностью к болтовне». Можно подобрать соответствующую коллекцию аналогичных высказываний о французах в переводе практически со всех европейских языков. Высказывания же некоторых американцев на ту же тему и вовсе порою непередаваемы. Справедливы ли все эти инвективы? В чем-то, да. По большей части, нет. И, может быть, отчасти объяснение современной неприязни, скажем, англичан к французам (во многом обусловленное общей историей) следует искать, скорее, во многовековой привычке. А может быть, ответ заключается как раз в вопросе британского «Экспресса»: «Почему мы, англичане, много лучше себя чувствуем, когда ненавидим французов?»

Если не постараться понять француза и побудительные мотивы его занудства и гоношистости, то с непривычки можно, конечно, крепко надорвать нервы. И все же, на мой взгляд, Фонвизин, погорячился, приняв французскую расчетливость и прагматизм за общенациональное желание обьегорить кого-нибудь. А сэр Гораций воспринял искреннее стремление француза подать иностранцу самый полезный совет, как лучше всего повести себя в той или иной ситуации во Франции, за высокомерие. В какой-

то степени французское занудство заложено в самом французском языке, где все слова без исключения имеют ударение на последнем слоге. И к тому же интонация в этом языке такова, что невинная фраза, например, «Осторожнее подавайте назад. Сзади — машина» воспринимается, как вызов, нечто вроде: «Ты что, идиот, не видишь, что у тебя сзади машина!?»

Француза трудно полюбить с первого взгляда, даже если это Аллен Делон. Сразу представителя этой нации будет трудно даже воспринять без раздражения: манера всех поучать, наставлять и всем вправлять мозги столь же сильно въелась в кровь потомков племени галлов, как общероссийское предрасположение к посылке всех знакомых и незнакомых, а также всего остального человечества по самому дальнему адресу. Каждому свое. И у французов, как и у любой другой нации, в этом их «своём» есть и впрямь замечательные черты, а есть, увы, и малоприятные.

Знатки Франции, характеризуя француза, непременно пустятся в пространные рассуждения относительно различий между уроженцами здешних 95 департаментов и 22 регионов. Действительно, гасконец по темпераменту ближе к испанцу, а эльзасец — к немцу, житель Прованса, юга Франции, говорит на своем диалекте, настолько отличном от парижского, что «вычислить» южанина не составляет никакого труда, а бретонец настолько же медлителен и основателен, насколько «ртутен» житель Савойи. И все же за свое почти двухтысячелетнее существование французская нация прошла переплавку в ходе объединения нынешних французских земель великими королями, от Хлодвига до Людовика XIV. Она закалилась в таком мощном костре, как Великая Французская революция, в наполеоновских и в двух мировых войнах. И окончательно в великом котле для переплавки национальных и прочих различий, созданном промышленной революцией, был отлит тот современный француз, о котором можно говорить уже не только как

о среднестатистической, этнической и демографической категории, но и как о явлении социальном, социологическом и психологическом. Процесс европейской и глобальной интеграции, подобно жернову, растирает в пыль все и всяческие национальные отличия. И все же французы, как никто, держатся, не теряя своей самобытности, цепляются за нее с неистовой гордостью, граничащей с отчаянием, действительно, чем-то напоминая при этом д'Артьяньяна, который не столько от чрезмерной уверенности в себе, сколько из гонора, вызвал на дуэль сразу трех лучших рубак мушкетеров, едва появившись в Париже.

Над французами потешаются, когда они пытаются отвоевать в сплошь англоязычном Интернете хотя бы часть информационного пространства для французского языка, вводят законы, запрещающие его уродовать так, как изуродовали наш язык «новые русские» кальками с английского типа «баксы», «дилер», «киллер», «имиджмейкер», «рейтинг и т. д. Французов не останавливают шумные кампании протеста в США, когда они устанавливают квоту на обязательный показ французских фильмов по телевидению и заставляют передавать по радио и телевидению столько французских песен, стихов, пьес и радиопостановок, сколько необходимо для того, чтобы французская культура выдержала чудовищную конкуренцию голливудских и прочих американских фабрик массовой культуры. Они не торопятся демонтировать государственный сектор, потому что знают: это надежный резерв Франции в любом кризисе и мощный двигатель ее развития. Пусть в Белом доме президент за президентом говорят, что это идеологически пахнет социализмом. Ну и что? Не все в социализме плохо. А в капитализме не все хорошо. Главное, чтоб было хорошо Франции и французам.

Здесь детей интернационализму не учат. Учат терпимости к другим народам и расам. Но учат и гордиться Францией, ее историей и ее современностью. И патриотизм оказывается экономически выгодным. Французы привыкли «покупать все французское». Это повсеместно принятый лозунг и одновремен-

но повсеместный подход французского потребителя к рынку. Пусть будет даже немного подороже, зато это французское, а раз французское, значит, качественное, без обмана. И франкоязычие в Интернете оказывается не так уж и безнадежно с экономической точки зрения. Есть рынок для такой интернетовской продукции во франкоязычных странах, куда идут французские компьютеры, программное обеспечение и видеоигры.

В современной Европе, а уж тем более в Америке мало кому понравится настоящий патриотизм француза, который будет упорно доказывать приезжему, что Франция — это не просто колыбель современной западной цивилизации и мировой заодно, но и самый надежный двигатель прогресса. И у него будут на то все основания. После того, как американская армия высадилась во французской Нормандии 6 июня 1944 года, открыв таким образом второй фронт, многим американцам впервые пришлось вплотную столкнуться с Францией и французами. Поначалу и Штаб-квартира НАТО размещалась под Парижем, пока де Голль не потребовал перенести ее хотя бы в Брюссель. И вот, для того чтобы облегчить интеграцию своих солдат во французское общество, командование США подготовило для них небольшую книжечку «Наши друзья французы». В ней было собрано 112 типичных не столько даже вопросов на тему «А почему французы такие?», сколько расхожих, предвзятых представлений о них. Составители книги, надо отдать им должное, нашли на все это объективные ответы, пусть даже не всегда при этом лестные для французов. Перечитывая эту книжечку, я поймал себя на мысли, что и многие мои соотечественники и современники так же предвзято воспринимают французов и Францию, как американские солдаты времен Второй мировой войны, и задают практически те же самые вопросы.

Вот стереотип № 28 из этой книжечки: «Французы отвергают новые идеи. Они вообще не изобретательны». И вот ответ: «Назовем несколько изобретений и открытий, пришедших из Франции:

Алюминий

Система Брайля, давшая возможность слепым читать

Винтовка с затвором

Целлофан

Бензиновый мотор

Электропечь для выплавки стали

Электрические батареи

Монгольфьер

Гироскоп

Гальванизация железа

Ламинированное стекло

Металлические гильзы

Пастеризация

Фосфорные спички

Фотография

Вискоза

Вискоза-целлюлоза

Воздушный винт (пропеллер)

Вязальная машина

Бездымный порох

Паровой автомобиль

Манометр

Стетоскоп

Телеэкран на тысячу строк и т. д.

С 1901 по 1939 гг. 203 человека были награждены Нобелевской премией за выдающиеся достижения в медицине, физике, химии, литературе и в деле служения миру. Из них 25 человек были американцами, а 28 — французами. Француженка Мария Кюри была единственным дважды лауреатом Нобелевской премии».

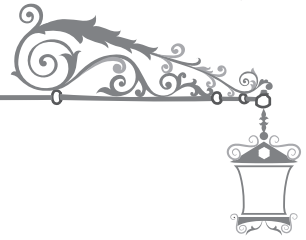
Под номером 34 шел такой вопрос: «Что эти проклятые пожиратели лягушек дали миру?» Ответ на него был дан очень подробный:

«Вспомним, что фундаментальные принципы свободы, прав человека и демократии были самым обстоятельным образом разработаны французскими писателями и мыслителями эпохи Просвещения. Но помимо этого эти «пожиратели лягушек» внесли основной вклад в историю и литературу, в науку и искусство, в философию и политологию, что дает этой нации право на самую почетную пальмовую ветвь в истории человечества. Во многих областях они держат первенство».

Далее, на три страницы идет список великих имен. Писатели — от Вийона до Золя и от Мопассана до Андре Малро, ученые — от Паскаля и Пастера до Кюри и Ле Блана, композиторы — от Бизе до Равеля, художники и скульпторы — от Сезанна до Родена, от Энгра до Ренуара, философы — от Шатобриана до Монтескье, от Монтеня до Руссо, историки — от Токвиля до Сен-Симона. Только великая нация может внести в копилку интеллектуального богатства человечества такой вклад. И пусть даже большинство французов, не говоря уже об американцах, не знают всех имен своих великих соотечественников, они знают о величии их свершений. И умеют гордиться ими, как величием Франции.

Это мы над собой хохотали по поводу того, что мы «впереди планеты всей». А француз уверен, что в случае с Францией так оно и есть. Он искренне верит в то, что его страна, действительно, самая прекрасная в мире и что Елисейские поля самая красивая улица на земле. И дело даже не в том, что Франция к началу XXI века вышла на первое место в мире по экспорту сельхозпродукции, по числу атомных электростанций на один квадратный километр национальной территории, по числу запускаемых в космос иностранных коммерческих спутников. А в том, скорее, что объективно Франция по качеству жизни — одна из самых удобных для житья стран в мире, если не самая удобная. Даже американская печать признает устами «Интернэшнал геральд трибюн», выходящей в Париже, что «Франция создала

Елисейские Поля — центральная улица Парижа, одна из главных магистралей VIII округа французской столицы. Елисейские поля простираются от площади Конкорд (Согласия) до Триумфальной арки. Длина — 1915 м, ширина — 71 м.

*В солнечный день и в дождь, в полдень или в полночь,
Все, что хотите, есть на Елисейских Полях...*
(Джо Дассен «Champs-Élysees»)